

УДК 343.1

Процессуальный статус лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера

А. В. Шатрова¹ ✉

¹ Российский государственный университет правосудия
ул. Новочерёмушкинская 69, г. Москва 117418, Российская Федерация

✉ e-mail: anna9135891004@gmail.com

Резюме

Актуальность. В последнее время на уровне международного права и законодательства отдельных государств ведется активный поиск новых подходов к обеспечению участия в уголовном процессе ментально уязвимых участников. Однако в российской уголовно-процессуальной науке недостаточно разработаны вопросы определения процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера. Отсутствие современных концептуальных подходов не позволяет качественно изменить действующее законодательство и затрудняет деятельность правоприменителя на всех стадиях судопроизводства.

Цель – раскрытие проблем нормативного закрепления процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, и определение путей решения этих проблем.

Задачи: раскрыть современные подходы к обеспечению прав когнитивно уязвимых субъектов в уголовном процессе; выявить круг проблем, связанных с нормативным закреплением процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера; сформулировать предложения по изменению действующего уголовно-процессуального закона.

Методология. В процессе работы над исследованием использовались историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический методы и общенаучные методы познания (анализ, синтез, аналогия).

Результаты. Сформулированы предложения по изменению нормативных и доктринальных подходов к определению процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера.

Вывод. Российское уголовно-процессуальное законодательство требует существенного реформирования, в результате которого будут скорректированы нормы раздела 2 и главы 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, что позволит закрепить дополнительные гарантии прав лиц с психическими расстройствами. Требуется дополнительное изучение позитивного зарубежного опыта в обеспечении правовых интересов таких лиц и разработка новой концепции реализации ими права на справедливое судебное разбирательство.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; принудительные меры медицинского характера; право на защиту; справедливое судебное разбирательство; законный представитель.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Шатрова А. В. Процессуальный статус лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 111–122.

Поступила в редакцию 23.06.2021

Принята к публикации 28.07.2021

Опубликована 30.08.2021

Procedural Status of a Person in Respect of Whom Proceedings on the Application of Compulsory Medical Measures are Being Conducted

Anna V. Shatrova¹✉

¹ Russian State University of Justice

69 Novocheryomushkinskaya str., Moscow 117418, Russian Federation

✉ e-mail: anna9135891004@gmail.com

Abstract

Relevance. Recently, at the level of international law and the legislation of individual states, there has been an active search for new approaches to ensuring the participation of mentally vulnerable persons in criminal proceedings. However, in the Russian criminal procedural science, the questions of determining the procedural status of a person in relation to whom proceedings on the application of compulsory medical measures are being conducted have not been sufficiently developed. The lack of modern conceptual approaches does not allow a qualitative change of the current legislation and complicates the activities of the law enforcement officer on all stages of the proceedings.

Purpose. Disclosure of the problems of normative consolidation of the procedural status of a person in respect of whom proceedings on the application of compulsory measures of a medical nature are underway, and determination of ways to solve these problems.

Objective: to reveal modern approaches to ensuring the rights of cognitively vulnerable subjects in the criminal process; identify a range of problems related to the normative consolidation of the procedural status of a person in relation to whom proceedings on the application of compulsory measures of a medical nature are being conducted; formulate proposals for changing the current criminal procedure law.

Methodology. In the process of working on the study, historical-legal, comparative-legal, formal-legal methods and general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, analogy) were used.

Results. Proposals have been formulated to change the normative and doctrinal approaches to determining the procedural status of a person in relation to whom proceedings on the application of compulsory medical measures are being conducted.

Conclusion. Russian criminal procedural legislation requires significant reform, as a result of which the norms of Section 2 and Chapter 51 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation will be adjusted, which will make it possible to consolidate additional guarantees of the rights of persons with mental disorders. An additional study of the positive foreign experience in ensuring the legal interests of such persons and the development of a new concept of their exercise of their right to a fair trial is required.

Keywords: criminal proceedings; compulsory medical measures; the right to defense; a fair trial; legal representative.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Shatrova A. V. Procedural Status of a Person in Respect of Whom Proceedings on the Application of Compulsory Medical Measures are Being Conducted. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(4): 111–122. (In Russ.)

Received 23.06.2021

Accepted 28.07.2021

Published 30.08.2021

Введение

В последние десятилетия активным трендом в развитии уголовно-процессуального права в масштабе многих государств стало создание процессуальных механизмов, обеспечивающих эффектив-

ную защиту прав ментально уязвимых субъектов в уголовном судопроизводстве. Хотя на уровне международного права была проделана значительная работа по признанию за лицами с инвалидностью, особенностями физического и психического здоровья всего объема

гражданских прав, включая права в сфере судопроизводства, на национальном уровне исследователи большинства государств констатируют тот факт, что уголовный процесс недостаточно гибок для учета особенностей таких участников процесса. К сожалению, ментально уязвимые уголовно преследуемые лица часто не получают надлежащей защиты [1]. Наметилась и еще одна значимая тенденция, в соответствии с которой дополнительные процессуальные гарантии все чаще распространяются не только на лиц с психическими расстройствами, но и на иных участников, которым в силу возраста, особенностей психики (в пределах нормы), наличия у них трудностей в общении или эмоциональных проблем сложно осуществлять свои права в связи с непониманием сущности процессуальных действий и языка уголовного судопроизводства.

Исследователи обоснованно отмечают, что реализация права на справедливое судебное разбирательство, закрепленное в ст. 6 Европейской конвенции по правам человека¹, подразумевает понимание участником происходящего в рамках процесса, возможность лично участвовать в судебном разбирательстве, а современный уголовный процесс должен быть недискриминационным по отношению к такому лицу [2]. Верховный Суд РФ, проводя в 2018 г. обобщение международных стандартов в области защиты прав инвалидов, также подчеркнул важность обеспечения полноценного доступа к правосудию лиц с ограниченными возможностями и необходимость реализации их правоспособности, в том числе при разрешении уголовно-правового конфликта². Следует согласиться с пози-

цией С. М. Курбатовой, подчеркивающей, что «психические расстройства (а значит, и нарушения когнитивных функций в той или иной степени проявления) заслуживают гораздо большего внимания при изучении вопроса об их влиянии на возможность реализации участниками правоотношений своих прав» [3, с. 139].

В российском уголовном процессе исторически также оформилось два усложненных производства, предусматривающих расширение предмета доказывания и особый порядок производства процессуальных действий, если уголовно-преследуемым лицом является несовершеннолетний или лицо с определенным психическим расстройством. Концептуальные подходы к обеспечению дополнительной защиты подобных участников стали формироваться еще в ходе судебной реформы 60-х годов XIX века, в последующем были поддержаны советскими процессуалистами [4] и сохранились в современном российском уголовном процессе. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) закрепил в гл. 50 особенности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, а в гл. 51 – специфику производства о применении принудительных мер медицинского характера. Как отмечают исследователи проблем дифференциации российского уголовного процесса, в основе такого подхода исторически лежит признание необходимости установления дополнительных гарантий при определении специфики процессуальной деятельности при уголовном преследовании отдельных категорий лиц [5, с. 96–97].

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950). URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (дата обращения: 04.06.2021).

² Обобщение правовых позиций международных договорных и внедоговорных ор-

ганов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты прав лиц с ограниченными возможностями // Управление систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/27222/ (дата обращения: 04.06.2021).

Следует отметить, что в науке уголовно-процессуального права усложненное производство в отношении несовершеннолетних является более разработанным и относится к числу хорошо исследованных [6], чего нельзя сказать о производстве о применении принудительных мер медицинского характера. Основные научные работы, посвященные этой проблематике, были выполнены в основном в первое десятилетие действия УПК РФ, а в последние годы анализируется фрагментарно, преимущественно в рамках научных статей или отдельных параграфов глав диссертаций, посвященных более широким темам. Такая ситуация негативно сказывается на нормативном регулировании данного производства и правоприменительной практике. Одной из основных проблем является именно недостаточная разработанность теории процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера. Отсутствие соответствующих концептуальных подходов является и препятствием к полноценной законотворческой деятельности, вследствие чего пробелы в законе правоприменитель пытается компенсировать, ориентируясь на позиции высших судебных инстанций.

Целью данной статьи является раскрытие отдельных значимых проблем, связанных с недостаточной теоретической и нормативной оформленностью процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, и внесение ряда предложений по совершенствованию действующего законодательства.

Методология

Статья представляет собой анализ сложившихся в науке уголовно-процессуального права и закрепленных в законодательстве подходов к оформлению статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении прину-

дительных мер медицинского характера, как полноценного участника уголовного судопроизводства. Нормативной базой исследования являются нормы международного права, действующего российско-го законодательства и отдельных зарубежных государств. Теоретической основой, позволившей в рамках статьи оформить значимые выводы, стали научные работы отечественных ученых-процессуалистов и отдельные исследования зарубежных ученых, посвященные вопросам обеспечения прав когнитивно уязвимых участников уголовного процесса. Достижение поставленной цели потребовало использования системы методов, в том числе теоретических методов исследования (анализ и синтез, аналогия, обобщение) и специальных юридических методов исследования, в частности историко-правового, сравнительно-правового, формально-юридического.

Результаты и их обсуждение

В российской уголовно-процессуальной науке сложились различные подходы к определению участников уголовного процесса и их процессуального статуса. Необходимо отметить, что эти вопросы являются дискуссионными долгое время и вызывали споры среди ученых еще в советский период, когда и оформились две принципиальные точки зрения на возможность отнесения тех или иных лиц к категории участников. В соответствии с первой, к участникам следует относить только тех лиц, которые наделены определенными процессуальными правами, отстаивают свои процессуальные интересы или интересы другого лица [7, с. 3]. Представители второго научного направления полагали, что все лица, реализующие свои права и обязанности в конкретном уголовно-процессуальном правоотношении, могут быть отнесены к участникам уголовного процесса [8, с. 27]. На наш взгляд, российский законодатель, а за ним и правоприменитель избрали компромиссный подход, предусмотрев воз-

возможность вовлечения в уголовно-процессуальные правоотношения как полноценных участников, так и иных лиц, не имеющих четкого процессуального статуса, но, тем не менее, наделенных определенными процессуальными правами. Наиболее отчетливо такой подход проявляется при реализации механизма обжалования в современном российском уголовном судопроизводстве.

В уголовном процессе под процессуальным статусом участника обычно понимают систему как прав и обязанностей, которыми он наделен действующими правовыми нормами, так и механизм их реализации и ответственность за неисполнение процессуальных обязанностей. Еще Н. Г. Мартыничик в своем диссертационном исследовании отмечал, что реализация права на защиту в значительной мере зависит от содержательного наполнения процессуального статуса участника судопроизводства, определения его понятия, процессуальных прав и обязанностей, законных интересов, гарантий их реализации, процессуальной право- и дееспособности [9, с. 50–62].

На современном этапе процессуальное положение отдельных участников российского уголовного процесса нормативно урегулировано с разной степенью детализации их процессуальных прав и обязанностей. Существует практически значимая потребность в уточнении и детализации процессуального статуса отдельных участников. К числу последних относится и лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера.

Хотя законодатель предпринял попытку наделить такое лицо дополнительными процессуальными правами и даже закрепить некие гарантии их реализации, стоит согласиться с критикой, высказанной Ю. К. Якимовичем, отмечавшим, что «в разделе втором вообще не упомянуты ни участники, ни иные субъекты уголовно-процессуальной деятельности в дополнительных и особых производствах»

[10, с. 15]. Такая ситуация приводит к тому, что, по сути, специальный субъект уголовно-процессуальных правоотношений не имеет ясного и конкретного процессуального статуса. Л. Г. Татьяна в своем диссертационном исследовании обоснованно критиковала нормы российского уголовно-процессуального законодательства, не учитывающие многообразие вариантов вовлечения в уголовный процесс лиц с психическими расстройствами, что в комплексе с проблемами недостаточной готовности правоприменителя к расследованию и рассмотрению таких дел ведет к нарушениям прав таких лиц [11, с. 5–7].

При определении процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, должен применяться недискриминационный подход, подразумевающий наделение такого лица всем спектром процессуальных прав, которые должны принадлежать любому уголовно преследуемому лицу в целях его эффективной защиты. По мнению Е. В. Мищенко, такой вывод прямо вытекает из международных документов, определяющих права лиц с психическими расстройствами, и российских конституционных норм [12].

Отметим, что в настоящее время такие лица не получили нормативного закрепления общих процессуальных прав в необходимом объеме, и их особый «специальный» процессуальный статус, определяемый преимущественно положениями гл. 51 УП РФ, нередко требует от правоприменителя системного толкования и даже применения аналогии закона. Если сравнивать легально определенный процессуальный статус обвиняемого и лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, то первое, что обращает внимание, это отсутствие во втором разделе УПК РФ даже указания на то, кого следует считать участником с правовым статусом, определенным гл. 51

УПК РФ. На такой пробел в правовом регулировании в свое время обоснованно обратил внимание Конституционный Суд Российской Федерации в одном из своих решений¹.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ использует различные конструкции для определения процессуального статуса участника процесса: дает конкретное понятие, перечисляет принадлежащие участнику права и возлагаемые на него обязанности, сужает круг лиц, которые могут получить статус того или иного участника за счет перечисления тех, на кого он не может быть распространен.

Вопрос о необходимости нормативного закрепления правового статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, уже ставился ранее учеными, предлагавшими закрепить в законе именно конкретный перечень его прав [13].

Отсутствие четкого легального «имени» у лица, в отношении которого ведется анализируемое производство, приводит к тому, что на практике оно именуется довольно вариативно, что в какой-то мере затрудняет реализацию им права на защиту, поскольку не позволяет правоприменителю однозначно определить его процессуальный статус. Изучение материалов судебной практики показало, что наиболее часто в материалах уголовных дел применяются следующие описательные конструкции: «лицо, совершившее общественно опасное деяние», «лицо, признанное невменяемым»,

¹ По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. Г. Абламского, О. Б. Лобашовой и В. К. Матвеева: постановление Конституционного Суда РФ от 20 нояб. 2007 г. № 13-П. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_67088/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=67088&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.25352763699957626#06734903716723197 (дата обращения: 04.06.2021).

«лицо, в связи с обвинением его в совершении общественно опасных деяний, подпадающих под признаки преступлений, предусмотренных...» и т. п. Считаем, что данную ситуацию надо исправить, поскольку она препятствует пониманию правоприменителем процессуального статуса такого лица и снижает уровень гарантированности его процессуальных прав.

По мнению Ж. А. Бажуковой, внесенными в ноябре 2010 г. изменениями в ст. 437 УПК РФ² законодатель наконец-то «дал имя» лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, однако «остановился на полпути», поскольку по-прежнему отсутствует полноценная дефиниция, раскрывающая особенности процессуального положения такого лица, особенного его участия в производстве процессуальных действий, момент и основания появления участника с таким процессуальным статусом [14].

На неурегулированное правовое положение статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, обращает внимание Т. В. Рябина, указывая, что в силу ч. 2 ст. 434 УПК РФ в отношении лица устанавливаются обстоятельства совершения общественно опасного деяния, что ставит его в один ряд с подозреваемым и обвиняемым и влечет необходимость обеспечить такому лицу все процессуальные права [15].

Возникает вопрос о достаточности наделения этого лица только правами подозреваемого, обвиняемого. Ведь это именно тот путь, которым пошел российский законодатель. Ответ на этот вопрос может быть найден только через понима-

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 нояб. 2010 г. № 323-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107287/ (дата обращения: 04.06.2021).

ние характера процессуальной деятельности, осуществляемой в рамках такого производства и реализуемых субъектами функций. И здесь обозначается некое противоречие: лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, должно как бы быть отнесено к стороне защиты, но защита – это, в первую очередь, защита от обвинения, однако непонятно, реализуется ли функция обвинения в рамках данного производства. Данное противоречие, очевидно, стало препятствием к нормативному однозначному отнесению такого лица к стороне защиты [14].

Таким образом, следует согласиться с критикой половинчатой позиции законодателя, внесшего коррективы в ст. 437 УПК РФ, явно желая упорядочить процессуальное положение ментально уязвимого лица, но не определившего в законе особенности его процессуального положения, его отнесение к субъектам, причисляемым к стороне защиты. Подобная неопределенность вообще ставит под сомнение возможность реализации таким лицом права на защиту, т. к. непонятно, от чего он должен защищаться и каков характер процессуальной деятельности публичных субъектов в таком производстве.

На недостатки в определении процессуального положения лиц с психическими расстройствами и на неполное соответствие норм действующего российского уголовно-процессуального законодательства Принципам защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи¹ обоснованно указывает В. И. Качалов, увязывающий устаревшие подходы к обеспечению прав таких

участников с целым рядом проблем, выявляемых в стадии исполнения приговора [16, с. 312].

Полагаем, что после внесенных изменений в ст. 437 УПК РФ, а именно об определении «процессуального имени» лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, законодатель не обеспечил его надлежащим образом ни процессуальными правами, ни полноценными гарантиями их реализации.

В конструкции ст. 437 УПК РФ обращается внимание на то, что в первой части появился термин «процессуальное имя» лица с психическим расстройством в исследуемом производстве, что должно помочь дифференцировать его от иных уголовно преследуемых субъектов. Но законодатель необоснованно применил отсылочный способ построения норм, когда указал, что лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, пользуется теми же правами, что подозреваемый или обвиняемый. В данном случае понятно, что нельзя перенести автоматически, без корректив, все права указанных лиц на главного участника производства, предусмотренного гл. 51 УПК РФ. Это связано с особенностями процессуальной деятельности при расследовании и рассмотрении такого дела.

На необоснованность такого переноса прав одного участника на другого без уточнения процессуального статуса последнего обращают внимание и современные исследователи [17]. Соглашаясь с точкой зрения Ж. А. Бажуковой, полагаем, что некорректным по отношению к лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, является наделение его правом подозреваемого и обвиняемого быть предупрежденным, что его показания при согласии их дать, могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том

¹ Принципы защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи: [приняты резолюцией 46/119 Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 1991 года]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mental_health_care.shtml (дата обращения: 04.06.2021).

числе и при последующем отказе от этих показаний. Считаем, что автоматический перенос прав подозреваемого или обвиняемого на лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, затрудняет реализацию последним права на справедливое судебное разбирательство. Е. В. Марковичева связывает такое положение дел с изначально некорректными формулировками в УПК РФ 2001 г., которые в недостаточной мере учитывали специальную правосубъектность этого лица [18].

Очевидным препятствием к оформлению полноценного статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, является нормативная неопределенность момента надления его соответствующим статусом. Из текста действующего уголовно-процессуального закона правоприменителю сложно понять, в какой момент лицо должно приобретать специальный процессуальный статус.

В соответствии с разъяснениями, данными в Постановлении Пленума Верховного Суда от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера»¹, такой участник появляется после получения сведений о наличии у лица психического расстройства либо в период совершения общественно опасного деяния, либо после его совершения, т. е. после получения заключения судебно-психиатрической экспертизы. В этой связи П. А. Колмаков предлагает компетентному органу выносить специальный правоприменительный акт после получения сведений о психическом заболевании лица, что и будет служить основанием для признания

специального процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера [13, с. 74–75]. При этом вышеупомянутое Постановление Пленума Верховного Суда РФ указывает на обстоятельства, которые позволяют обоснованно усомниться во вменяемости лица еще до установления данного факта экспертным путем. Таким образом факт психического расстройства может предполагаться еще до получения заключения эксперта, что также может явиться поводом для трансформации процессуального статуса такого лица с целью наилучшей защиты его прав. Стоит обратить особое внимание на то, что подобный процессуальный статус может изменяться не только в зависимости от динамики психического состояния самого лица, но и под воздействием других факторов. К последним, например, может быть отнесен существующий в практике недостаточно гибкий механизм назначения повторных и дополнительных экспертных исследований, невозможность по объективным причинам получить полноценное экспертное заключение по результатам амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы и др.

Выводы

Исходной позицией в определении процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, должны стать нормы и принципы международного права, признающие за такими лицами процессуальные правоспособность и дееспособность, ограничиваемые исключительно состоянием психического здоровья лиц.

Сравнение лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера с подозреваемым и обвиняемым, не совсем удачное по нескольким причинам. Отличие прежде всего состоит в целях, связанных с разрешением уголовно-

¹ О практике применения судами принудительных мер медицинского характера: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 апр. 2011 г. № 6 [ред. от 03.03.2015]. URL: <http://www.vszf.ru/documents/own/8236/> (дата обращения: 04.06.2021).

правового конфликта. Лицо, подлежащее уголовной ответственности, обычно подвергается мерам уголовной репрессии, призванным скорректировать его поведение и восстановить справедливость, в то время как лицо с психическими расстройствами, исключающими его уголовную ответственность, может быть подвергнуто принудительному лечению с целью устранения потенциальной угрозы для жизни и здоровья как самого лица, так и иных лиц. По этой причине существует потребность в определении в УПК РФ открытого перечня процессуальных прав указанного лица, которые он вправе реализовать в процессе самостоятельно или через законного представителя.

Реализуя свое процессуальное право на защиту, лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, вынуждено противостоять особой процессуальной деятельности, которая не является уголовным преследованием в его обычном понимании. Поэтому особое значение приобретает уточнение в тексте уголовно-процессуального закона тех прав, которые он может реализовать, в связи с чем целесообразно внести соответствующие изменения в ст. 437 УПК РФ.

Таким образом, учет особенностей производства по делам о применении принудительных мер медицинского характера требует активной законодательской работы, направленной на наделение процессуальными правами лица, страдающего психическим расстройством, с тем, чтобы трансформировать его в полноправного участника уголовного судопроизводства, с соответствующими гарантиями обеспечения его прав и законных интересов. Такой подход будет способствовать качественному преобразованию правоотношений, возникающих в связи с необходимостью разрешения уголовно-правового конфликта с участием лица, которое не может быть привлечено в данный момент к уголовной ответственности в силу болезненного психического состояния.

Одновременно необходимо определиться и с оформлением специальным процессуальным решением момента трансформации процессуального статуса подозреваемого, обвиняемого в процессуальный статус лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера.

Список литературы

1. Howard H. Effective participation of mentally vulnerable defendants in the magistrates' courts in England and Wales – the 'Front Line' from a legal perspective // *The Journal of Criminal Law*. 2020. Vol. 85, is. 1. P. 3–16. <https://doi.org/10.1177/0022018320957110>.
2. Jacobson J., Talbot J. Vulnerable defendants in the criminal courts: a review of provision for adults and children. Project Report. Prison Reform Trust, London, UK. 2009. https://www.researchgate.net/publication/294737726_Vulnerable_defendants_in_the_criminal_courts_a_review_of_provision_for_adults_and_children (дата обращения: 05.06.2021).
3. Курбатова С. М. Формирование когнитивного подхода к пониманию личности с ограниченными возможностями на международно-правовом уровне и его влияние на национальное право (на примере российского уголовно-процессуального законодательства) // *Вопросы российского и международного права*. 2019. Т. 9, № 8А. С. 134–143. <https://doi.org/10.34670/AR.2019.89.8.018>.
4. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. М.: Наука, 1968. Т. 1. 468 с.

5. Козявин А. А., Рябина Т. К., Снегирева Д. Е. Дифференциация уголовно-процессуальной формы: сущность, история и перспективы развития, проблемы процессуального осмысления // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 5. С. 92–104.
6. Марковичева Е. В., Смирнова И. Г. Борьба с преступностью и назначение уголовного судопроизводства: критерии разработки оптимальной уголовно-процессуальной стратегии в отношении несовершеннолетних // Всероссийский криминологический журнал. 2016. № 2. С. 339–348. [https://doi.org/10.17150/1996-7756.2016.10\(2\).339-348](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2016.10(2).339-348).
7. Альперт С. А. Участники советского уголовного процесса. Харьков: Изд. Харьк. юрид. ин-та, 1965. 33 с.
8. Савицкий В. М. О принципах уголовного процесса // Проблемы кодификации уголовно-процессуального права. М.: ИГПАН, 1987. С. 20-37.
9. Мартынчик Е. Г. Проблемы процессуального статуса и эффективности охраны прав подсудимого (осужденного) в судах первой и кассационной инстанции: дис. ... д-ра юрид. наук. Кишинев, 1981. 424 с.
10. Якимович Ю. К. Участники уголовного процесса. СПб.: Юридический центр, 2015. 176 с.
11. Татьяна Л. Г. Процессуальные проблемы производства по уголовным делам с участием лиц, имеющих психические недостатки: Вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ижевск, 2004. 53 с.
12. Мищенко Е. В. Международно-правовое закрепление особенностей правового статуса лиц, к которым могут быть применены принудительные меры медицинского характера // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 3. С. 101–105.
13. Колмаков П. А. Проблемы правового регулирования принудительных мер медицинского характера. Сыктывкар: Сыктывкар. ун-т, 2001. 187 с.
14. Бажукова Ж. А. Об уголовно-процессуальных гарантиях прав и законных интересов лица, нуждающегося в принудительном лечении // Адвокатская практика. 2017. № 4. С. 27–31.
15. Рябина Т. К. Производство о применении принудительных мер медицинского характера // Законность. 2008. № 8. С. 48–51.
16. Качалов В. И. Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. 312 с.
17. Бажукова Ж. А. О неразрешенных вопросах досудебного производства по делам о применении принудительных мер медицинского характера // Администратор суда. 2017. № 1. С. 21–24.
18. Марковичева Е. В. Обеспечение права на справедливое судебное разбирательство в производстве о применении принудительных мер медицинского характера // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 4. С. 28–31.

References

1. Howard H. Effective participation of mentally vulnerable defendants in the magistrates' courts in England and Wales – the 'Front Line' from a legal perspective. *The Journal of Criminal Law*, 2020, vol. 85, is. 1, pp. 3–16. <https://doi.org/10.1177/0022018320957110>.
2. Jacobson J., Talbot J. Vulnerable defendants in the criminal courts: a review of provision for adults and children. Project Report. Prison Reform Trust, London, UK. 2009. https://www.researchgate.net/publication/294737726_Vulnerable_defendants_in_the_criminal_courts_a_review_of_provision_for_adults_and_children. (accessed 05.06.2021)

3. Kurbatova S. M. Formirovanie kognitivnogo podhoda k ponimaniyu lichnosti s ogranichenymi vozmozhnostyami na mezhdunarodno-pravovom urovne i ego vliyanie na nacional'noe pravo (na primere rossijskogo ugovolno-processual'nogo zakonodatel'stva) [Formation of a cognitive approach to understanding a person with disabilities at the international legal level and its impact on national law (on the example of Russian criminal procedure legislation)]. *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava = Questions of Russian and International Law*, 2019, vol. 9, no. 8A, pp. 134–143. <https://doi.org/10.34670/AR.2019.89.8.018>.

4. Strogovich M. S. Kurs sovetskogo ugovolnogo processa [The course of the Soviet criminal process]. Moscow, Nauka Publ., 1968, vol. 1. 468 p.

5. Kozyavin A. A., Ryabinina T. K., Snegireva D. E. Differenciatsiya ugovolno-processual'noj formy: sushchnost', istoriya i perspektivy razvitiya, problemy processual'nogo osmysleniya [Differentiation of the criminal procedure form: the essence, history and prospects of development, problems of procedural understanding]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, vol. 9, no. 5, pp. 92–104.

6. Markovicheva E. V., Smirnova I. G. Bor'ba s prestupnost'yu i naznachenie ugovolnogo sudoproizvodstva: kriterii razrabotki optimal'noj ugovolno-processual'noj strategii v otnoshenii nesovershennoletnih [The fight against crime and the appointment of criminal proceedings: criteria for the development of an optimal criminal procedure strategy for minors]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal = All-Russian Journal of Criminology*, 2016, no. 2, pp. 339–348. [https://doi.org/10.17150/1996-7756.2016.10\(2\).339-348](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2016.10(2).339-348).

7. Al'pert S. A. Uchastniki sovetskogo ugovolnogo processa [Participants of the Soviet criminal trial]. Har'kov, Har'k. jurid. in-t Publ., 1965. 33 p.

8. Savickij V. M. O principah ugovolnogo processa [On the principles of criminal procedure]. *Problemy kodifikatsii ugovolno-processual'nogo prava = Problems of codification of criminal procedural law*. Moscow, IGPAN Publ., 1987, pp. 20–37.

9. Martynchik E. G. Problemy processual'nogo statusa i effektivnosti ohrany prav podsudimogo (osuzhdenного) v sudah pervoj i kassacionnoj instancii. Diss. dokt. jurid. nauk [Problems of the procedural status and effectiveness of the protection of the rights of the defendant (convicted person) in the courts of the first and cassation instance. Dr. legal sci. diss.]. Kishinev, 1981. 424 p.

10. Yakimovich Yu. K. Uchastniki ugovolnogo processa [Participants in the criminal process]. St. Petersburg, Yuridicheskij centr Publ., 2015. 176 p.

11. Tat'yanina L. G. Processual'nye problemy proizvodstva po ugovolnym delam s uchastiem lic, imeyushchih psichicheskie nedostatki: Voprosy teorii i praktiki. Avtoref. diss. dokt. jurid. nauk [Procedural problems of criminal proceedings involving persons with mental disabilities: Questions of theory and practice. Dr. legal sci. abstract diss.]. Izhevsk, 2004. 53 p.

12. Mishchenko E. V. Mezhdunarodno-pravovoe zakreplenie osobennostej pravovogo statusa lic, k kotorym mogut byt' primeneny prinuditel'nye mery medicinskogo haraktera [International legal consolidation of the features of the legal status of persons to whom compulsory medical measures can be applied]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Orenburg State University*, 2011, no. 3, pp. 101–105.

13. Kolmakov P. A. Problemy pravovogo regulirovaniya prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera [Problems of legal regulation of compulsory medical measures]. Syktyvkar, Syktyvkar. Univ. Publ., 2001. 187 p.

14. Bazhukova Zh. A. Ob ugovolno-processual'nyh garantiyah prav i zakonnyh interesov lica, nuzhdayushchegosya v prinuditel'nom lechenii [On criminal procedural guarantees of the rights and legitimate interests of a person in need of compulsory treatment]. *Advokatskaya praktika = Law Practice*, 2017, no. 4, pp. 27–31.

15. Ryabinina T. K. Proizvodstvo o primeneniі prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera [Proceedings on the application of compulsory medical measures]. *Zakonnost' = Legality*, 2008, no. 8, pp. 48–51.

16. Kachalov V. I. Proizvodstvo po ispolneniyu itogovyh sudebnyh reshenij v rossijskom ugovnom processe. Diss. dokt. yurid. nauk [Proceedings on the execution of final court decisions in the Russian criminal process. Dr. legal sci. diss.]. Moscow, 2017. 312 p.

17. Bazhukova Zh. A. O nerazreshennyh voprosah dosudebnogo proizvodstva po delam o primeneniі prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera [On unresolved issues of pre-trial proceedings in cases of the use of compulsory medical measures]. *Administrator suda = Court Administrator*, 2017, no. 1, pp. 21–24.

18. Markovicheva E. V. Obespechenie prava na spravedlivoe sudebnoe razbiratel'stvo v proizvodstve o primeneniі prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera [Ensuring the right to a fair trial in the proceedings on the use of compulsory medical measures *Sudebnaya vlast' i ugovnyj process = Judicial power and criminal procedure*], 2019, no. 4, pp. 28–31.

Информация об авторе / Information about the Author

Шатрова Анна Вячеславовна, аспирант кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной, Российский государственный университет правосудия, г. Москва; судья Норильского городского суда Красноярского края, Российская Федерация,
e-mail: anna9135891004@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-7822-347X

Anna V. Shatrova, Pos-Graduate Student of the Department of Criminal Procedure Law named after N. V. Radutnoy, Russian State University of Justice, Moscow; Judge of the Norilsk City Court of the Krasnoyarsk Territory, Russian Federation,
e-mail: anna9135891004@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7822-347X,